

Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком

Светлана Владимировна Дьяченко¹, Глеб Петрович Пилипенко²,
Михаил Николаевич Саенко³, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН¹
(Москва, Россия), Институт славяноведения РАН^{2,3} (Москва, Россия), svet-lan-a@list.ru¹,
glebpilipenko@mail.ru², michail.sajenko@yandex.ru³

DOI: 10.31857/S0131611724050018

АННОТАЦИЯ: Статья основана на материале, записанном авторами в экспедиции 2024 г. в село Юдино Подгоренского района Воронежской области, говор которого можно локализовать как украинский. Анализ расшифровки аудиозаписей трех жительниц села (главными информантами явились две женщины 1935 и 1937 гг. р.) позволил выявить основные черты, характерные для исконного говора, а также рассмотреть некоторые результаты взаимодействия говора с русским языком, который является единственным официальным языком на территории существования говора: СМИ (телевидение, радио) и обучение в школе на русском языке.

Основные фонетические особенности: [и] на месте *ѣ под ударением и без ударения (но в заимствованиях [е]: *мѣл*), на месте *е в новом закрытом слоге; в звуке [ы] в безударных слогах совпадают отражения *ы, *и и *е, однако в конечном открытом слоге они различаются; различие /о/ и /а/ в безударных слогах, за исключением заимствований из русского; губные согласные смягчаются только перед [и];

фонема /в/ представлена губно-губным звуком, но в некоторых случаях перед [с] — глухим [ф]; фонема /г/ представлена фарингальным звонким звуком [h], за исключением единичных заимствований, в которых [г] взрывной.

Грамматические особенности: нечленные формы прилагательных; окончание *-oho* в род. пад. м. и ср. р. прилагательных и местоимений и т. д.

Наряду с хорошо сохранившейся исконной лексикой наблюдается большое количество разноплановых заимствований из русского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектология, украинский говор, русский язык, фонетика, грамматика, лексика

для цитирования: Дьяченко С. В., Пилипенко Г. П., Саенко М. Н. Из экспедиционных записей в с. Юдино Воронежской области: взаимодействие местного украинского говора с русским языком // Русская речь. 2024. № 6. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0131611724050018.

Issues of Modern Russian Language

From Expedition Records in the Village of Yudino, Voronezh Region: Interaction of the Local Vernacular Ukrainian with the Russian Language

Svetlana V. Dyachenko¹, Gleb P. Pilipenko², Mikhail N. Saenko³,
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences¹, Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences^{2,3}, svet-lan-a@list.ru¹, glebpilipenko@mail.ru²,
michail.sajenko@yandex.ru³

ABSTRACT: The article is based on the material recorded by the authors during an expedition in 2024 to the village of Yudino, Podgorensky district, Voronezh oblast, whose dialect can be localised as Ukrainian. The analysis of the audio

transcripts of three villagers (the main informants were two women born in 1935 and 1937) allowed us to identify the main features characteristic of the original vernacular, as well as to examine some of the results of the interaction between the vernacular and Russian, which is the only official language in the area where the vernacular exists: the mass media (television, radio) and school education are in Russian.

The main phonetic features: [i] in place of *м under accent and without accent (but in loanwords [e]: *mel*), in place of *е in the new closed syllable; in unaccented syllables the reflexes of *у, *і and *е coincide in the sound [y], but in the final open syllable the reflexes of these vowels differ; there is a distinction of /o/ and /a/ in unaccented syllables, except for borrowings from Russian; labial consonants are softened only before [i]; the phoneme /v/ is represented by a bilabial sound, but in some cases before [s] — by a unvoiced fricative [f]; the phoneme /g/ is represented by a pharyngeal voiced sound [h], except for single borrowings, where [g] is used.

Grammatical peculiarities: short forms of adjectives; ending *-oho* in the genitive case of masculine and neuter adjectives and pronouns, etc.

Along with well-preserved native vocabulary, there is a large number of various borrowings from the Russian language.

KEYWORDS: dialectology, Ukrainian dialect, Russian language, phonetics, grammar, vocabulary

FOR CITATION: Dyachenko S. V., Pilipenko G. P., Saenko M. N. From Expedition Records in the Village of Yudino, Voronezh Region: Interaction of the Local Vernacular Ukrainian with the Russian Language. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 6. Pp. 7–18. DOI: 10.31857/S0131611724050018.

0. Вводные замечания

В июне-июле 2024 г. в ходе экспедиции в Подгоренский район Воронежской области авторами данной статьи было обследовано село Юдино, украинский¹ говор которого ранее никогда не становился объектом изучения². Обследование показало высокую степень сохранности диалекта у носителей старшего и в какой-то мере среднего поколения. Нас интересовала не только исконная система этого говора, но и его взаимодействие

¹ Сами носители используют по отношению к себе термин *халлы*, а свою речь характеризуют словами *по-халляче*, *по-халлячёму*, что типично для данного ареала, см. [Сьянова 2016].

² Юдино и соседние села не обследовались для «Атласа украинского языка», ближайший обследованный пункт — с. Марки (№ 52), и для «Словаря украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой, ближайший обследованный пункт — с. Сагуны.

с русским литературным языком на всех уровнях; в данной статье мы обсуждаем некоторые результаты этого взаимодействия.

Информанты, записи речи которых использованы в статье:

ЕВП1935 — обр. 7 кл., род. в Юдине, замужем жила на х. Студенок, в 3 км от Юдина, после смерти мужа вернулась жить в родительский дом в Юдино, хорошая сохранность диалекта;

МФД1937 — обр. 5 кл., род. на х. Перевальном, в 20 км от Юдина, в Юдино вышла замуж, хорошая сохранность диалекта;

МПС1955 — обр. высшее, род. в с. Марки, в 16 км от Юдина, в школе училась в Воронеже и жила у сестры, затем училась в Россошанском педучилище, по окончании которого приехала работать в Юдино, заочно окончила Воронежский пединститут. В языковом отношении значительно отличается от ЕВП1935 и МФД1937, часто переходит на русский язык, порой эти переходы совершаются в пределах одной фразы. Примеры из ее речи приводятся в статье со специальными оговорками.

Село находится в сплошном массиве родственных говоров. Оно было основано в XVIII в. украинскими переселенцами. До недавнего времени все общение, за исключением обучения в школе, проходило на местном говоре. Генетически говор можно локализовать как находящийся на стыке восточнополюсского и среднеднепровского диалектов, на что указывают следующие черты: *-ы*³ из *-о-* в результате заместительного удлинения (**опь > вын*); формы указательного местоимения *то́е* ‘то’, *та́я* ‘та’, *тэйи / тэйи* ‘те’, Р. п. *тыэйи* ‘той’, вариативные формы глаголов 3 л. ед. ч. типа *зна/зна́е*, ср. [Матвѳяс 1984: карты 57; 234; 235; 258]. Дифтонги в говоре отсутствуют.

1. Фонетика

Стандартным отражением **ѣ* является [и]: *двѳьсти* ‘двести’, *на свѳти* ‘на свете’, *у лѳси* ‘в лесу’, *дѳты* ‘дети’, *йѳсты* ‘есть’, *нвыѳтка* ‘невестка’, *мынѳ* ‘мне’, *дывчѳята* ‘девчата’, *выѳихалы* ‘выехали’. В русизмах широко представлено [е], нередко по соседству с исконным [и]: *на свѳти* ‘на свете’, *мѳлом бѳлым* ‘мелом белым’.

³ В статье используется упрощенная транскрипция, опирающаяся на русскую графику, дополненную символами *h* для обозначения звонкого фарингального фрикативного (как в украинском литературном языке, в международной фонетической транскрипции этот звук обозначается знаком *ʕ*), *l* — апикального альвеолярного латерального аппроксиманта (как во французском и немецком языках) и *ʲ* для неслогового [y].

Отражением *е в новом закрытом слоге является [и]: *пичь* ‘печь’, *доніс* ‘донёс’, в то время как *о в тех же условиях дал [ы]: *вын* ‘он’, *пид* ‘под’. Чередования при склонении существительных в юдинском говоре часто устраняются в ту или иную сторону, ср. *на пичі* ‘на печи’ (укр. лит. *на печі*), *гнійим* ‘навозом’ (укр. лит. *гноєм*), *вйкон* ‘окон’ (укр. лит. *вікон*, с таким же выравниванием), *бджёл* ‘пчёл’ (укр. лит. *бджіл*), *корбв* ‘коров’ (укр. лит. *корів*), но *Дын* ‘Дон’ — *Дбну* ‘Дона’.

Качество ударного [ы], представленного на месте *о, совпадает с качеством [ы] на месте этимологических *ы и *и: *мисыть*, *сын*. Это гласный верхнего подъема с F_1 350–450 Гц⁴ и передне-среднего ряда с F_2 1700–1900 Гц. От украинского литературного [и] он отличается сдвигом в более задний ряд, ср. F_1 350±30 Гц, F_2 2100±50 литературного украинского [и] [Ищенко 2012: 58]. В безударных слогах в звуке типа [ы] совпадают этимологические *ы и *и: *нас сим сыныў булб*, *оцэ подывысь*. Подобным звуком чаще всего реализуется и гласный на месте этимологического безударного *е в предударных и заударных закрытых слогах: *пырыбыраылы*, *пырыхар* ‘шлак, зола’, *пывызылы*, *ны будым*, *хлпыць*. После [й] в этих же условиях выступает [и]: *знайиш* ‘знаешь’, *дуйиш* ‘дуешь’. Однако в конечном открытом слоге и после твердых согласных, и после [й] безударный гласный на месте *е более открытый: *затянутэ*, *прыкручинэ*, *прынимае*.

В безударных слогах после мягких согласных ([й], [ч’], [р’], [л’], [н’]) возможен гласный [о]: *ёму*, *по-старыньнёму*, *по-хахлячёму*, *прыцидатылём*, *сáхарём*, *тытырём*⁵. Кроме того, безударный [и] на месте *е возможен в новых заимствованиях из русского: *сирёшки* ‘сережки’, *фсидá* ‘всегда’, а в одном слове фиксируется [а] (возможно, заимствование из якающих южнорусских диалектов): (*Ягбровна* ‘Егоровна’). Кроме того, с предударным [и] и, соответственно, мягким [з’] перед ним в говоре функционирует слово *зимá* ‘зима’ и все его производные. Интерпретация этого факта не очевидна: с одной стороны, такое произношение может быть исконным, так как наблюдается в украинских говорах, например, Бориспольского района Киевской области и считается реликтовой полесской чертой [Бідношия, Дика 2008: 21–22], с другой — может быть результатом влияния русского языка.

Фонемы /о/ и /а/ в безударных слогах различаются последовательно, однако отмечаются присущие и украинскому литературному языку случаи ассимиляции о > а в слоге перед ударным а: *бахáто* ‘много’, *харя́че*

⁴ Инструментальное изучение параметров гласных и согласных звуков проводилось с помощью программы анализа речи PRAAT: Soft for doings phonetics / © P. Boersma, D. Weenink. University of Amsterdam. URL: <http://www.praat.org> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Укр. *титар* — ктитор, церковный староста.

‘горячее’. В древнейших русизмах наблюдается гиперкорректная⁶ замена безударного *-a-* на *-o-*: *костру́ля, бомáна*. Последнее, впрочем, характерно и для большей части собственно украинских говоров, знающих это слово [Басара, Сятковский (ред.) 2003: карта 39]⁷. В новых русизмах встречаются примеры безударного [a] на месте *o (*на́да* ‘надо’, *хоро́ша* ‘хорошая’, *караси́н* ‘керосин’).

Характерное для украинского языка сохранение звонкости парных согласных в позиции конца слова и перед последующим глухим выдерживается не всегда, а только примерно в половине случаев: *усурьё́з* (перед паузой конца фразы), *выдкíльсь*, но *розыйíст*, *пыддэ́рика*. Появление случаев оглушения связано с влиянием на говор русского языка.

Губные согласные в говоре смягчаются только перед [и] ([пры́вiз]) и перед [е] в заимствованиях из русского языка ([мел]). В позиции конца слова возможны только твердые: *сим си́ныў*; *кроў идэ́*; *ухiн*.

Перед гласными непереднего ряда губные согласные не смягчаются, для выражения мягкости [п] и [в] используется вставной [й] (в нашей упрощенной транскрипции это явление представлено знаками *ь* и *я* после губного согласного), для выражения мягкости [м] — [н']: *у в со́рок п'я́тому ходу́*; *п'я́так даду́ть*; *нний робы́лы оцэ́ ж из коро́вьячэо́ говна́*; *кору́та дыры́вьяны́ булы́*. Характерное для многих украинских говоров сочетание [мн'] из этимологического мй (< *m' или *mъ) сохраняется очень хорошо: *и ма́сло*, *и мня́со*, *и шку́ру там*; *ко́жу*, *як она́ ужэ́ мня́ка там*; *йих ма́ты сушы́ла* *и тоди́ мня́ла на муку́*. Оно же наблюдается в русизмах *врэ́мне* ‘время’ и *сымня́* ‘семья’⁸.

Фонема /в/ имеет губно-губное образование, в позиции конца слова или перед следующим согласным этот звук переходит в [ў], а в некоторых случаях, чаще в позиции между двумя согласными (на стыке слов) или в начале фразы перед согласным в [у]: *сады́ў ба́гато було́*, *там ба́гато паня́ў було́*; *Мышчэ́нкиў ху́тор*; *Прокóпыў дом*; *прысобáшныки ўси́ булы́*; *йих поўбы́ва́лы*; *Новыко́ўскый*; *и ў тэ́ коцэ́*, *двiсьцi со́рок чэ́лови́к у Ду́ми сыды́ць*; *ты́тарь — цэ́ ў Костомáровой, оны́ ж у Костомáровой*; *ну цэ́ ж у цэ́ врэ́мне*; *и ёму́ у конци́ дня*; *у цэ́ркви ты́тарь*; *урушну́ фэ́с робы́лы*. Перед сонорными, однако, на месте предлога *в/у* наблюдается звук [в]: *позабы́ра́лы в йих усэ́*; *а в мэ́нэ сыстра́ була́*; *в нас оды́н чэ́лови́к*, а перед гласным — сочетание [ув]: *сын ишчэ́ ны йшо́ў ув а́рмию*. В некоторых редких примерах

⁶ Гиперкоррекция — это стремление использовать более «правильные» формы, которое в итоге наоборот приводит к ошибке.

⁷ По всей видимости, следует отделять это от характерных для украинского языка случаев замены начального *a-* на *o-* в заимствованиях не только из русского языка, в том числе сравнительно новых: *оренда* ‘аренда’, *осавул* ‘есаул’, *Охтирка* ‘Ахтырка’ [Шевельов 2002: 114–115].

⁸ При сохранении исконной формы ожидалось бы **симня́*.

на месте /в/ отмечен глухой [ф]⁹: *такá хáта чéрна за фсю зiму; iйздылы фсэ на стáньцю óхуль сiятъ; урушнó фсэ робылы*. Во всех таких случаях [ф] находится перед следующим [с], однако далеко не все случаи перед [с] характеризуются подобным оглушением (ср., например, выше *Новыкóўскый*¹⁰).

Фонемы /ф/ в речи старшего поколения нет, в соответствующих заимствованиях отмечается [x] и [x'v']: *Мархúшка, Трохiм, трох'вéйи, х'ввити́ль*.

Фонема /л/ представлена у информантов старшего поколения «1 европейским» перед гласными непереднего ряда ([ы], [у], [о], [а]): *прыiйхалы, хлóпыць, послúха, лáзылы* (в единичных примерах у информантки МФД1937 в этой позиции отмечен [ÿ]: *прыиш'ÿбi*). Фонема [l] произносится на месте /л'/ перед глухими согласными: *колцэ, нáбылиш, бы́лиш*, отмечен и случай на месте /л/: *полшiбкi* (ср. укр. *пiв*). Перед согласным в сочетаниях, восходящих к праславянскому сочетанию *ТьlГ, а также в суффиксе глаголов прош. времени м. р., в том числе перед возвратным постфиксом, /л/ реализуется неслоговым [ÿ]: *дóўно, пóўно, тоўшыноў, тоўсты; постáвыÿ, накупы́ÿ, назывáÿся, подывы́ÿсь*.

Мягкие зубные [т'] и [д'] произносятся без свистящего призвука. Удвоенные зубные (из *тьj, *дьj, *пъj, *льj) сохраняются: *плáтте / плáття* 'платье', *зiлля* 'трава', в том числе в русизмах с пересчетом¹¹ — *на стулiях* 'на стульях'.

Качество *ц* и *ч* колеблется. *Ц* чаще всего сохраняет этимологическую мягкость во всех позициях: *хлóпыць* 'парень', *хороцькiй, цю* 'эту', *ця* 'эта', *вовцю* 'овцу', *мiсяця, симнáцяць, каханыцямы* 'светильниками', *чюнуцях* 'котелках'. Однако в отдельных случаях обнаруживается [ц] вместо ожидаемого [ц']: *отцá* (укр. лит. *отця*), *яйца* (укр. лит. *яйця*), в чем можно усмотреть влияние русского языка. Мягкость [ч] колеблется несколько сильнее, ср. показательный отрывок: *Дак вын лопáтой отáк, чiстэ, чы́стэ, а я змитáю*.

В большинстве примеров отмечается преобладающая реализация суффиксов с мягким свистящим -ськ-, -цьк- в прилагательных и наречиях: *прыiйхалы по-сусiцькi там; вын хороцькiй; дурацько́но ны спомына́й; тобi, кáжэ, дурацьке, а минi не; сидлó коньське* (ЕВП1935); *хрэцькi онi хрэздямы; она́ ж дириვენська; пэрэваленьська; цэ пыриваленьскiй*

⁹ Глухость его проверялась инструментально: анализ спектрограммы показал, что тона на участке этого согласного нет.

¹⁰ Отсутствие оглушения здесь, возможно, связано с позицией на стыке морфем.

¹¹ Пересчет — это заимствование слова из родственного языка с видоизменением его формы в соответствии с регулярными фонетическими соответствиями между языком, из которого заимствуется, и языком, в который заимствуется.

розыйіст (МФД1937). В меньшем количестве примеров находим твердый свистящий, что можно связывать с влиянием русского языка, в частности, в случаях, когда речь идет о городских реалиях, топонимах, устоявшихся понятиях: *щас у хóроди кровáтка назывáюця дѣцка*; *вын по-старыньнѣму Новыкóускый*; *там баháто мадýрскою все́хо* (ЕВП1935); *дэ мастерскá*; *пичь рúская* (МПС1955). Упомянем здесь и использование наречия *блы́ско* 'близко' с твердым свистящим: *вын и блы́ско ны такый буў* (ЕВП1935).

Шипящие [ш] и [ж] в говоре твердые, в том числе вторично возникшие сочетания *ши* и *жи* с [и] из *е: *шысьць* 'шесть' (ср. укр. лит. *шість*), *жы́нка* 'жена' (укр. лит. *жінка*). Единственная позиция, где они смягчаются, — на стыке морфем перед [а]: (*оны́*) *лыжáть*.

Фонема /г/ реализуется звуком [h] почти во всех случаях, в том числе в речи МПС1955: *хлянь*; *моху́*; *ѣхо́* (ЕВП1935), *хорóшки*; *розхорну́ла*; *ны хóжэ* (МФД1937), *друхóй*; *хавары́ла*; *хлáзиг балы́т* (МПС1955). Взрывной [г] (как в русском литературном языке) отмечен только в единичных заимствованиях из русского языка, например в фамилии *Гарагэевы* (ЕВП1935).

Согласные [к], [х], [ч] почти повсеместно смягчились перед гласными [е], [ы], смягчение повлекло за собой переход [ы] в [и], как в русском языке: *оцѣ дóски*, *а то сволочкы́ булы́*; *окакы́ цурупачкы́*; *сидло́ коньське*; *пич вылыкэнька*; *нахиля́*; *потыхэньку*; *дóсок ны було́ дбу́хих*; *дивчята нóхи понакрáсюють*. Тем не менее возможны колебания, например *орухы* ~ *орихи*, *лыскы* ~ *лыски* и т. д.

2. Морфология

Характер русско-украинского взаимодействия в описываемом говоре может быть определен в рамках предложенного П. Мейскеном [Muysken 2000: 122] понятия «конгруэнтная лексикализация», когда языки имеют общую грамматическую структуру и заимствуют лексику из нескольких источников (что облегчает сам процесс заимствования, особенно в близкородственных языках). Часто грамматическая конвергенция приводит к конгруэнтной лексикализации.

В говоре распространены формы прилагательных в им. п. ж. и ср. р. с окончанием *-а/-я* и *-е* соответственно¹²: *дово́нна це [хата]*; *старá хата* (ЕВП1935); *сбы́не плáття* (МФД1937). Таким же образом оформляются русские заимствования, ср. субстантивированное прилагательное, в котором данное окончание будет единственным показателем адаптации: *дэ мастерскá* (МПС1955). Следует отметить, что полные формы окончаний

¹² В украинских говорах могут встречаться формы на *-ая/-яя* (ж. р.), *-оє/-еє* (ср. р.), однако они распространяются на ограниченной территории [Матвіяс (гол. ред.) 1984: карта 238].

у прилагательных появляются в заимствованиях из русского языка, которые не адаптируются фонетически к структуре говора: *цэ пыддэришка харбшайа* (МФД1937); *ничь руская* (МПС1955).

Окончание у прилагательных и местоимений в м. р. и ср. р. род. и вин. п. ед. ч. *-oho/-ëho* либо *-oo/-ëo*: *ты дуйиши на ёно; нычоно* (МФД1937); *из коровьячёо новна* (ЕВП1935). Речь МПС1955 по этому показателю существенно отличается. Наряду с примерами типа: *од оцёб конця*, в ее идиолекте фиксируются формы с интервокальным *-в-*: *всёво тры мисяци; а там фсиво всталося; таково свата*. При этом конечный [о] окончания в безударной позиции не подвергается редукции.

Глагол *быть* в 3 л. ед. ч. используется информантами в форме *есть*¹³ или *есь*: *шторы там якы есть* (МФД1937); *у тэбэ сидло есть?* (ЕВП1935), *так ёсь и оци люды, шо торхують* (ЕВП1935). Конкурирует эта форма с *e*: *мóжэ вын и шчас там е орийшык* (ЕВП1935), *ёсли е шо, настилajúть тудá* (МПС1955).

Приведем также несколько примеров, когда заимствования из русского языка воспроизводятся без фонетической адаптации в корне и флексии: *прывязанэ краснай лёнтай* (МПС1955); *а я аш отút у Юдэнэй забеременила*¹⁴; *она ж дума, цэ ж я берёмена дак* (МФД1937). Заимствования из русского могут подвергаться частичной адаптации: *я ны зная, ны апыделю* (МФД1937), где, с одной стороны, русское *рь* передается как *р*, но, с другой стороны, *e* не пересчитывается в *и* (ср. укр. лит. *ділити*); а в первом слого не устранивается аканье.

3. Лексика

Исконная лексика в говоре сохраняется довольно хорошо. Засвидетельствованы слова, нехарактерные для литературного украинского, но известные различным говорам, например *ліска* ‘лещина’, *вўльни* ‘ульи’, *кадыть* ‘чадить’, *тырло* ‘стойбище’. Отдельные лексемы, по-видимому, являются локальными новообразованиями, например *шáмци* ‘вид кожаной обуви’.

Русские заимствования многообразны и разноплановы. Это не только культурная и бытовая лексика (*стулля* ‘стулья’, *крóвать*, *тряпка*, *сáхарь*, *дикалón* ‘одеколон’), но и обозначения людей (*мушчiна*, *рибёнок*, *дéвочка*, *мáльчик*), дискурсивная лексика (*навёрна*, *конáшно*).

¹³ Подобные формы *йесть*, *йестя* встречаются, например, в западнополесских говорах [Аркушин 2000: 154] на севере Волинской и Ровенской областей недалеко от границы с Белоруссией и на самой белорусской территории.

¹⁴ Лексема *берёмен(с)а* распространена в части украинских говоров, однако без смягчения согласных перед [e] [Матвіяс (гол. ред.) 1984: карта 346].

Указательные местоимения образуются от основы *ц-*: *хату цю пырыстрóйшылы; по цёму кóмыну* (ЕВП1935), *и там вын жыў, цэй пан* (МФД1937) и *с-* в случаях *сэйгот* ‘в этом году’ (МДФ1937), *сюныч* ‘этой ночью’ (ЕВП1935). Однако в некоторых случаях наблюдается проникновение русских указательных местоимений с основой на *эт-*, в частности, в функции дискурсивов (слов, которые используются не для передачи определенного значения, а для организации и структурирования разговора): *тоді эту поизда на ухлі йіздылы* (ЕВП1935); *орішнык рубáлы на эту, помидбры* (МПС1955). При воспроизведении чужой речи в фонетически частично адаптированном высказывании также находим эти формы: *спрашуе, а это от што за бривно на потолку* (МФД1937).

Показательным с точки зрения выявления влияния русского языка на систему изучаемого говора является варьирование при употреблении личных местоимений 3 л. ед. ч. ж. р. и 3 л. мн. ч. В самом говоре имеются исходные местоимения как с *в-*образным начальным согласным, так и без него¹⁵: *вонá ны пострадáла; от воны́, вы́шни* (ЕВП1935); *онá моўчы́ть* (МДФ1937). В некоторых случаях фиксируются личные местоимения с начальным *а-*, что можно связать с русским влиянием: *оцэ а́на́ та́ сама́ своёй рукю́* (МДФ1937); *ну нэ одінэ а́на́* (МПС1955). Кроме того, в речи МПС1955 при гезитации (в ситуации, когда человек колеблется или сомневается в речи, что может выражаться в паузах, неполных предложениях или использовании определенных звуков) возникает гибридная форма *аны́* для местоимения 3 л. мн. ч.: *ну а́ны́, оны́, зна́йшэ, аны́ такі́ хорькава́ты*.

Колебания у информантов наблюдаются при употреблении союзов/частиц *или/иль, або, чи*, при этом использование *или/иль* можно отнести к русскому влиянию: *засына́лы ухля́ і́ли дрóва́; як матэ́рию там да́раць і́ль, то́го ны рысува́ла* (ЕВП1935); *пода́раць кусо́к мы́ла а́бо́ дикало́ну; па́рыця́ чи́ хри́ця; тоді́ чи́ выно́ робы́лы, чи́ шо* (МФД1937).

Заимствуется из русского языка в говор союз *если*, его синонимов нам не встретилось (тогда как в [Авдеева 2012: 304] фиксируется союз *якшо*): *э́сли ты за ца́ря́ оддасы́ Ма́нку; э́сли б ны вын* (ЕВП1935).

4. Заключение

Рассмотренные в статье особенности юдинского говора демонстрируют хорошую сохранность его украинской основы. Это прослеживается на всех языковых уровнях. Влияние русского языка ожидаемо проявляется в большей степени в лексике, однако некоторые черты, появившиеся

¹⁵ Формы без начального *в-* фиксируются также в [Авдеева 2012], однако формы с аканьем в словаре единичны.

в результате контакта с русским языком, обнаруживаются также на фонетическом и грамматическом уровнях.

Важно отметить, что говор с. Юдино ранее не был описан диалектологами и не фигурирует ни в «Атласе украинского языка», ни в «Словаре украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой. Наша статья заполняет этот пробел.

Литература

- Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. В 2-х т. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008–2012.
- Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Т. 2 (Н–Я). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2012. 307 с.
- Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. Т. 1. Луцьк: Вежа, 2000. 354 с.
- Басара Я., Сятковский Я. (ред.). Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa: [б. и.], 2003. 192 с.
- Бідношя Ю. І., Дика Л. В. Говірки Бориспільщини: сучасні діалектні тексти та пам'ятки мови. Київ: Інститут української мови НАН України, 2008. 480 с.
- Ищенко О. С. Голосні звуки української мови залежно від темпу мовлення: монографія. Київ: Інститут української мови НАН України, 2012. 220 с.
- Матвіяс І. Г. (гол. ред.). Атлас української мови. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1984. 391 карта.
- Сьянова Е. И. К вопросу этнической и языковой идентичности носителей украинско-русских говоров, функционирующих на территории современной Воронежской области // Русский язык в поликультурном мире. X Международная научно-практическая конференция: Сборник научных статей. Т. 2. Ответственный редактор Е. Я. Титаренко. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2016. С. 520–527.
- Шевельов Ю. Исторична фонологія української мови. Харків: Акта, 2002. 1055 с.
- Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. xvi + 306 p.

References

- Arkushin G. L. *Slovník zakhidnopolis'kikh govirok* [Dictionary of West Polesie dialects]. Vol. 1. Lutsk, Vezha Publ., 2000. 354 p.
- Avdeeva M. T. *Slovar' ukrainskikh govorov Voronezhskoi oblasti* [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region]. In 2 vols. Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 2008–2012.

- Avdeeva M. T. *Slovar' ukrainiskikh govorov Voronezhskoi oblasti* [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region]. In 2 vols. V. 2. (N–Ya). Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 2012. 307 p.
- Basara Ya., Syatkovskii Ya. (ed.). *Obshchoslavjanskii lingvisticheskii atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya* [The Common Slavic Linguistic Atlas. A series of lexical and word-formation]. Issue 8. Professions and social life. Warszawa: [without a publishing house], 2003. 192 p.
- Bidnoshiya Yu. I., Dika L. V. *Govirki Borispil'shchini: suchasni dialektni teksti ta pam'yatki movi* [Dialects of Boryspil region: modern dialect texts and monuments of the language]. Kiev, Institute of the Ukrainian language of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2008. 480 p.
- Ishchenko O. S. *Golosni zvuki ukraïns'koï movi zalezho vid tempu movlennya: monografiya* [Vowel sounds of the Ukrainian language depending on the pace of speech: monograph]. Kiev, Institute of the Ukrainian language of the National Academy of Sciences of Ukraine Publ., 2012. 220 p.
- Matviyas I. G. (ch. ed.). *Atlas ukraïns'koï movi* [Atlas of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1984. 391 map.
- Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code-mixing*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. xvi + 306 p.
- Shevel'ov Yu. *Istorichna fonologiya ukraïns'koï movi* [Historical phonology of the Ukrainian language]. Kharkiv, Akta Publ., 2002, 1055 p.
- S'yanova E. I. [On the issue of ethnic and linguistic identity of speakers of Ukrainian-Russian dialects functioning in the territory of the modern Voronezh Region]. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire. X Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: Sbornik nauchnykh statei*. Vol. 2. Simferopol, "Arial" Printing House Publ., 2016, pp. 520–527. (In Russ.)